

Мне было три года, когда кое-что произошло. Тогда я ничего не понимал, ведь был совсем маленьким, но дома меня, казалось, окружали еще большей заботой, а папа с мамой очень сильно меня любили.

В тот год, когда мне исполнилось семь, в нашем городке случилась автокатастрофа. Я оказался прямо на месте происшествия. Я был тогда непривычно равнодушен, не поддался панике и, понимая, что к чему, тут же побежал к первому попавшемуся дому за помощью. Жильцы быстро во всем разобрались и тут же вызвали скорую.

Увидев, что они звонят, я понял, что от меня больше ничего не требуется, и ушел. В тот момент мне просто не хотелось создавать себе лишних хлопот — помогать можно было и так, чтобы это не доставляло неудобств.

Я был счастлив.

По крайней мере, я знал, что мы все готовы прийти на помощь, просто порой не знаем, как поступить, да и наши возможности небезграничны.

В тот самый день года мне казалось, что я непрерывно счастлив. Сам не знаю почему — просто счастлив.

Домочадцы тогда спросили меня:

— Что-то случилось? Чему ты так рад?

— Ничего особенного, просто сегодня радостно на душе.

Они не стали расспрашивать дальше, потому что сами были счастливы. Все мы ели с веселым смехом, болтали, и вся семья радостно переговаривалась.

В девять лет я пошел в школу. Учился я отлично, домой каждый день возвращался с улыбкой, да и в школе всё было прекрасно — я завел множество друзей, и все они были очень хорошими людьми.

В том же году у меня родилась сестренка. Мне было десять, и когда я смотрел на малышку, улыбка на моем лице сияла слишком ярко.

Я был так счастлив, по-настоящему счастлив! Теперь у меня были не только папа с мамой, но и сестренка. Я должен всегда о ней заботиться и надежно ее защищать.

В те дни я действительно, по-настоящему был счастлив. И это было искренне: я всегда хотел защитить свою семью.

В тринадцать лет я пошел в среднюю школу. Сестренка подросла и стала такой очаровательной, что мне хотелось брать ее на руки каждый раз, когда я возвращался домой.

Она.

Пока не появилась она. Я держал сестренку на руках, поднимая ее высоко вверх, и заглянул ей в глаза. Я уже собирался сказать ей:

Какие красивые глаза.

Она вдруг улыбнулась. Я молча смотрел на нее и впервые заметил, что она улыбается так же прекрасно, как и я когда-то.

В тот день мы гуляли на улице. Сестренка вдруг захотела пойти в парк, мы побежали за ней и лишь тогда, когда опустился закат, поняли, насколько вокруг красивый закат.

Я смотрел на них.

В тот самый миг

я по-настоящему захотел защитить свою семью.

Когда мне исполнилось шестнадцать, я заметил, что во мне будто что-то изменилось. Мое тело словно преобразилось, а сил стало невероятно много. Позже я узнал, что причиной всему был линь.

Линь есть у каждого, он способен сделать твоё тело сильнее, но никто не знает, как именно он работает — его проявления совершенно случайны.

У некоторых людей линь пробуждается лишь в старости.

Впрочем, это тоже неплохо — прибавляется добрый десяток лет жизни.

У иных линь обнаруживается прямо при рождении, но работает он, судя по всему, слишком медленно — в несколько сотен раз медленнее, чем у меня, Хао Ина, в мои шестнадцать.

Поэтому я рассказал обо всем учителю, и тот предложил мне два пути.

Первый — продолжить учебу и спокойно поступить в университет. Поскольку я был первым учеником в классе и входил в десятку лучших по всей параллели, из меня мог выйти настоящий гений.

Второй путь — стать Линьчжэ. Это было похоже на учебу, но являлось работой, нет, скорее — профессией.

Учитель сказал, что оба варианта примерно равны, но если выбирать мне, то работа Линьчжэ, пожалуй, подойдет мне куда лучше, чем университет.

Позже я сказал учителю, что подумаю еще годик.

Он согласился.

В семнадцать лет я потерял всё. Я потерял тех, кого хотел защитить, и на моем лице больше не было улыбки — я разучился улыбаться, сам не знаю почему.

Но и заплакать я не мог. Почему же? Я не плакал и не смеялся, а мое лицо стало похожим на маску мертвеца.

Наверное, потому, что у меня оставалась сестренка. В то время я решил стать Линьчжэ. Я знал и был наслышан о том, как это тяжело и изнурительно, но я...

Должен был как следует защитить сестренку.

— Братик, а где папа с мама?

— Они...

Сестренка, кажется, что-то почувствовала. Она больше не расспрашивала и просто молча взяла его за руку.

Я смотрел в глаза сестренке и не знал, как начать разговор — она ведь еще совсем кроха.

Я понимал, о чем она думает, но не мог ей сказать. Пусть даже она о чем-то догадывалась, я хотел, чтобы это так и осталось лишь догадками.

Дети должны жить радостно и расти до тех пор, пока не станут взрослыми. Теперь же я стал самостоятельным взрослым, а мое собственное существование не имело особого значения.

И все же

у нее остался только я.

Теперь я хотел лишь одного — как следует защитить сестренку. Она не могла остаться без меня.

Как и я без нее.

Я изо всех сил набросился на тренировки, желая лишь одного — пробудить способность, принадлежащую моему личному линю. Знающие люди говорили, что для пробуждения способностей требуется сильное желание, но вот какими окажутся эти способности, никто не знал.

Эти два года я тренировался как безумный, выкладываясь сильнее остальных. Всего за год я прошел путь от рядового Линьчжэ до третьего ранга, а следом еще за год дослужился до второго ранга.

Оглядываясь назад, я видел, что другие едва дотянули до половины третьего ранга, а их сильнейшие еле-еле добрались до третьей ступени.

Но я не хотел оглядываться назад. Я желал лишь двигаться вперед: мне нужно было стать сильнее, чтобы лучше защищать сестренку.

Каждый день я отправлялся на утренние тренировки в академию Линьчжэ, выполнял задания, а по вечерам забирал сестренку домой.

Я смотрел на нее, и она неизменно улыбалась мне.

Однажды, когда я забирал ее из школы, ей захотелось клубничного торта. Я согласился и отвел ее в кондитерскую.

Не знаю почему, но когда сестренка улыбалась мне, мне тоже хотелось улыбнуться в ответ. Однако стоило мне попытаться выдавить улыбку, как уголки моих губ лишь едва заметно дрожали.

— Я буду кушать, хе-хе!

То, как сестренка уплетала торт, было поистине мило и прекрасно.

— Братик, попробуй кусочек.

Я погладил ее по голове и ответил:

— Братику не хочется. Я не люблю клубничный торт, мне больше по душе дынный. Ешь, ешь

побольше, а если не хватит, я куплю еще.

Сестренке оставалось лишь тихонько произвести:

— Ну ладно.

Мы с ней сидели на парковой скамейке. Я смотрел на закатывающееся солнце и видел багровые облака — до чего же красиво.

Глядя на этот прекрасный и исцеляющий душу небесный пейзаж, я вспомнил тот день, и на моем лице проступила печаль.

Я вдруг вспомнил

те слова:

— Хао-эр, посмотри, какое красивое зарево.

— Красивое, и правда красивое.

— Тогда мы хотим, чтобы наши дети росли счастливыми и здоровыми. Главное, чтобы вы были счастливы, для нас этого достаточно.

Сам не знаю почему,

я не смог совладать со своими чувствами.

Из глаз потекли слезы.

Я попытался смахнуть их рукой, но их становилось только больше. Я не хотел, чтобы сестренка видела меня таким, я не мог позволить ей увидеть мои слезы.

И все же она заметила. Оставив торт, она подошла ко мне и крошечными ручонками стерла слезы с моего лица.

Она произнесла:

— Братику нельзя плакать. Братик уже взрослый, ему нельзя плакать перед сестренкой.

Сестренка обеими ручонками гладила меня по лицу.

— Братик ведь так любил улыбаться, почему же теперь он не улыбается?

Я уже хотел было что-то сказать, как она продолжила:

— Я хочу, чтобы братик теперь каждый день радовался. Я хочу, чтобы любые невзгоды обходили его стороной.

Я слушал слова сестренки и смотрел на нее так, будто видел в ней самого себя. Верно, раньше я так любил улыбаться, а теперь?

— Братик тоже хочет, чтобы сестренка всегда была счастлива. Братик всегда рядом.

Я крепко обнял ее. Больше я не плакал, и уголки моих губ больше не дрожали — я словно снова научился улыбаться. Слезы высохли, и я просто улыбался, глядя на закат.

Совсем как тогда.

В дальнейшем всё шло своим чередом, но я старался еще упорнее и спустя два года достиг первого ранга Линьчжэ. Я не распространялся о том, через сколько тягот мне пришлось пройти — я знал лишь одно: всё, что я делаю, ради сестренки.

В свои двадцать один год я развивался намного быстрее остальных, и мне оставался всего один шаг до пробуждения способности.

Однако прошло еще два года, а способность так и не проявилась. Понятия не имея, в чем дело, я продолжал оставаться в академии.

До того самого дня, когда из чьего-то тела внезапно выполз Пожиратель. Он рос до тех пор, пока не достиг трех метров в длину, и вот так объявился прямо на улице, нападая на всех подряд и пожирая людей. Он двигался словно какое-то пресмыкающееся.

Мы с сестренкой тоже были там. Мы беззаботно болтали и ели торт возле кондитерской.

— Братик, я хочу еще.

Сестренка улыбалась, когда говорила это.

— Хорошо, подожди меня здесь.

Купив торт, я услышал доносившиеся снаружи крики о помощи и бросился на улицу, думая лишь о сестренке.

Распахнув дверь, я увидел огромного Пожирателя, который мчался прямо на нее.

Неужели я снова все потеряю?

Паника, страх, самые разные чувства нахлынули на меня волной.

У меня осталась только ты!

В тот миг я так отчаянно желал перенести сестренку в другое место, так сильно хотел, чтобы ее там не было.

Я должен спасти сестренку!

И в этот момент Хао Ин обрел то, что принадлежало ему по праву — свою способность.

[Источник]

□Сотворение — Мгновенное перемещение□

Тело Хао Ина стало постепенно растворяться, покрываясь вспышками, и то же самое произошло с ним самим. В одно мгновение они оба телепортировались, перенесясь в безопасное место.

Придя в себя, Хао Ин осознал, что обрел способность, но прежде всего бросился проверять, всё ли в порядке с сестренкой.

Убедившись, что она цела и невредима, я наконец вздохнул с облегчением.

— Главное, что всё в порядке. Главное, что ты цела.

— Братик, мне было так страшно.

Я прижал к себе сестренку и заговорил:

— Не бойся, братик рядом, здесь безопасно.

— Угу, я поняла.

А теперь мне предстояло прикончить эту тварь. Заметив, что я собираюсь уйти, сестренка испуганно ухватила меня за руку.

— Ничего страшного, братику нужно побыть героем.

— Не хочу! Мне не нужны никакие герои, мне нужен только ты! Если братика не станет, тогда...

— Тогда у меня совсем ничего не останется!

со слезами на глазах проговорила она.

Оказывается, сестренка всё это время всё понимала. Она была послушной, когда братик был рядом, старалась во всем слушаться его и не путаться под ногами, хотя порой тайком плакала в одиночестве.

Но каждый раз, когда братик забирал ее домой, весь покрытый ранами, ее сердце обливалось кровью. Ей хотелось плакать, но она не смела.

Потому что знала: братик делает всё ради нее, ему нравится видеть ее улыбку, а значит, она не должна плакать.

— Я...

— Они уже у входа. Увечье нанесено, уничтожить на месте.

— Понял.

Я знал — они прибыли. Как же быстро.

— Ладно-ладно, я никуда не пойду.

— Правда?

— Правда.

Сестренка только было собралась вытереть слезы, как я опередил ее и сам аккуратно смахнул их. Она посмотрела на меня, а затем глуповато улыбнулась.

Я тоже улыбнулся.

— Я все еще хочу торт.

— Хорошо, отведу тебя в другое место.

— Ура!

Братик медленно шел под заходящим солнцем,

а сестренка быстро бежала вперед в лучах заката.

— Эй, помедленнее.

<http://bllate.org/book/21077/2141660>